

*А сердце
матери
поранено
войной...*

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система № 2»
Губкинского городского округа

*А сердце
матери
поранено
войной...*

Троицкий 2015

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5 Бел

А11

Ответственный за выпуск Н. А. Юханова

А 11 А сердце матери поранено войной... : сб. стихов / МБУК «ЦБС №2» Губкинского гор. окр., краевед сектор; сост. : Р. Лысых, Т. Афанасьева ; отв. за вып. Н. А. Юханова. – Троицкий, 2015. – 32 с.

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5 Бел

© МБУК «ЦБС № 2» Губкинского городского округа, 2015

Дорогие читатели!

Вы держите в руках сборник стихов Марии Федоровны Хорхординой - солдатской вдовы из села Шорстово Губкинского района Белгородской области.

Все хорошие качества характера, вложенные в нее с детских лет, помогали Марии Федоровне не просто жить и выживать, а уметь противостоять всем жизненным трудностям и невзгодам. Бог давал ей силы идти по жизни, не оскудевая душой, сочинять стихи, являющиеся откровенным рассказом о пережитом, оценивающие происходившее вокруг. Все в них есть: переживания, боль, надежда, радость.

Пусть строки стихов Марии Федоровны Хорхординой, простой русской труженицы, послужат хорошим примером для молодых людей в том, как надо любить Родину, вечно сохранять память о воинах и тружениках тыла Великой Отечественной войны 1941-1945 годов.

*Оказывается, война не завершается победой.
В ночах вдовы, солдатки бедной, ночь напролет идет она.
Лишь победитель победил, а овдовевшая вдовеет,
и в ночь ее морозно веет одна из тысячи могил.*

Б. Ступцкий

Мария Федоровна Хорхордина родилась 4 ноября 1911 года в селе Шорстово Губкинского района в семье крестьянина.

В семье было девять детей, Мария была пятым ребенком, В школе она не училась. Была в услужении нянькой, три года жила в домработницах, затем после переезда в Старый Оскол работала в детских яслях.

В 1936 году вышла замуж и вместе с мужем вернулась в родное село.

Андрей окончил Старооскольский педагогический техникум и работал учителем начальных классов в Коньшинской школе, Мария работала в колхозе. Молодые жили дружно. Скоро у них родился сын, которого назвали модным тогда именем Арнольд, а в самом начале войны - дочь Наташа.

В 1941 году Андрей Хорхордин ушел на фронт. Маша получила от него всего три солдатских треугольника. Только после войны в результате многочисленных запросов пришла из военкомата справка о том, что Андрей умер в госпитале после тяжёлого ранения.

В тридцать лет Мария Федоровна стала вдовой, воспитывала двух малолетних детей, выполняла всю мужскую работу: пахала, сеяла, косила.

Во время оккупации в 1943 году при артналёте сгорела их

старая бревенчатая хата. Пришлось ютиться по квартирам.

У Марии были воистину золотые руки: всё умела – и прясть, и ткать, и вязать, и вышивать. Не было такой работы, с которой бы она ни справилась.

После освобождения села от немцев ей разрешили строить новую избу. При заготовке бревен, она получила травму. Как потом выяснилось, у неё лопнул желчный пузырь.

Её едва успели довести до Старого Оскола, где фронтовой хирург сделал операцию. Мария получила инвалидность, ей запретили тяжёлые работы.

Но нужно было кормить детей, возрождать из руин народное хозяйство. Мария Федоровна работала на току, свекловичницей, дояркой. Всю свою тоску и боль заглушала работой. Это только она знает, через какие испытания пришлось пройти, чтобы выстоять в своем горе, вырастить детей, сколько надо было набить кровавых мозолей, чтобы в доме был порядок и хоть какой-то достаток.

Острота ума, трудолюбие, доброжелательность и общительность побеждали невзгоды вдовьей жизни. Всю свою жизнь она жалела только об одном, что не может посадить березку на могиле мужа. Но эту березку она посадила возле своего дома.

В начале 80-х годов Мария Фёдоровна была приглашена в Белгород на встречу солдатских вдов, где ее, красивую пожилую женщину в чёрном вдовьем платке, заметил скульптор Анатолий Шишков.

Художник попросил разрешения посетить Марию Фёдоровну и дважды побывал у неё дома в Шорстово. Познакомился с детьми, долго беседовал, рассматривал альбомы с семейными фотографиями, делал какие-то зарисовки.

А когда было принято решение на губкинской земле поставить памятник вдове и матери солдата, его автор А. Шишков прообразом выбрал Марию Федоровну Хорхордину.

В канун 50-летия Великой Победы 5 мая 1995 года на открытии памятника Мария Фёдоровна была главным действующим лицом. К тому времени она почти ослепла и плохо слышала. Но, прикрыв глаза, громким, ясным, удивительно молодым голосом она читала свои стихи.

Будучи неграмотной, она не могла их записывать, а запоминала и читала стихи наизусть. В них она рассказывала о трудном военном лихолетье, о том, как жила, как ждала мужа с фронта, о природе и родной земле, о доброте и милосердии. В них она вложила всю боль вдов и матерей России.

Умерла Мария Федоровна 28 августа 2010 года, не дожив чуть больше года до 100-летнего юбилея. Похоронена в городе Старый Оскол.

Солдатская вдова

Скажи, солдатская вдова,
Как эти годы ты пережила?
Когда забрали мужа на войну,
А ты осталась с детишками одна?
И как ты их обула и одела,
Когда копейки за душою не имела?
А я тогда здоровая и сильная была,
Днями работала, ночами пряла и ткала.
Из брошенных солдатских плащ-палаток
Я шила куртки и пиджаки.
А из толстики вязала башмаки.
Кормила чем Господь пошлет.
Сынок гнилой картошки в поле соберет,
А я помою, посушу и потолку
И пышек "сдобных" на воде им напеку.
От мужа треугольники ждала,
А вместо треугольника мне похоронку
почтальонка принесла.
Я осталась с бедой одна наедине,
Спасибо деткам: не давали духом
падать мне.
Они кружили предо мной,
как ласточки перед дождем.
Просили: "Мамочка, не плачь...
Наш папа жив, и мы его дождем".

И я сквозь слезы видела их
испуганные бледненькие лица.
Чтоб уберечь детей,
Решила с горем помириться.
Корову запрягала, ехала пахать,
Окопы шла копала.
И чем могла, тем фронту помогала.

Победитель

Шел солдат дорогой полевой,
Шел домой, израненный войной,
Шел с мечтой, увидеть отчий дом,
Обнять любимую жену.
Но этого не суждено ему.
Он увидел черный бугорок,
обросший бурьяном,
а где жена, где сын, где дом?
- Фашисты дом сожгли, убили сына,
Издевались над женой.
Стоит солдат на черном бугорке,
с поникшей головой,
И разговаривает сам с собой:
"Как видно, рано ты, солдат, пришел домой,
хотя из ран твоих кровь и сочится,

но времени нет тебе лечиться,
Ты должен отомстить
за сына, за жену, за дом!",
И будто все перевернулось в нем.
Сказал солдат:
"Клянусь отныне,
что если жив, я буду,
то в логове твоём, фашист, побуду.
И отомщу за все: за сына,
за жену, за дом,
за хутор и кого не стало в нём".
И перекинул вещмешок через плечо,
а слезы щеки обжигали горячо.
И пошагал солдат дорогой полевой
опять на фронт, а не домой.
Он прошагал дорогой фронтовой
до Будапешта и до Праги,
и до Берлина дошагал,
придя в Берлин, сказал:
"Ну вот, фашисты, рассчитался с вами,
за всех, за все я отомстил!-
и расписался на рейхстаге.

О матери и сыне

Июльский утром в 41-ом
Мать сына привела в военкомат
И, проводив его, дала наказ нелегкий!
Родную землю грудью защищать.
И сын поклялся честью комсомольской,
Что беспощадно будет бить врага,
Чтоб на его родную землю -
Ступить не смела недруга нога.
А мать пришла домой и руки не сложила,
И сыну стала помогать в беде:
Она пахала, сеяла, косила,
И хлеб на станцию носила на себе.
Чтоб этот хлеб пошел на фронт солдатам
И чтобы каждый знал солдат о том,
Что матери в тылу им помогают,
Своим упорным, доблестным трудом.
А сын шагал дорогой фронтовою,
И в зной, и в стужу, и в метель.
И не одну пробоину имела
Его войной потеряв шинель.
А мать ждала то самого, то треугольник,
В заботе и труде не знала дней.
И только на мгновенье засыпала-
Сын тут же появлялся перед ней...
Ей снилось, что она его женила
И что невестка принесла мальчика,

И сонная от счастья улыбалась,
Что в сыне видела счастливого отца.
А сын был на переднем крае
Он на посту стоял и думал все о том,
Дождется ли моя родная
Тех тихих и прекрасных дней,
Когда врага прогоним из Отчизны,
И небо глянет ясной синевой,
И запоют девчата голосистые
Свои страданья, под двухрядку над рекой
А мать, все силы покладая, Работала и день, и ночь,
Дорогу строила от Старого Оскола до Сараевки,
Чтобы разбить врага - сыну помочь.
А враг все свирепел от неудачи,
Метался, словно лев в кругу,
И подтянул он танки и пехоту
На Курско-Орловскую дугу.
С Востока утро ясным начиналось,
На западе стоял туман,
И поползли чудовища стальные,
И огненный начался ураган.
Горела курская земля,
Хлеба, сады и хаты,
Снаряды сыпались, как град,
И стали русские богатыри-солдаты
Родную землю на смерть защищать
И пал боец Отчизны, сын любимый,

Руками землю прижимал к груди,
И матери сказал: "Родная, умираю,
Но а врагу тебя не отдадим".
А враг растерянно метался,
Не мог понять, где, чей и кто какой,
И пели немцам русские катюши
Не свадебную, а за упокой.
Разбили тиграм нос,
Врагу рога сломали
И "мессершмиттам" крылья отсекли,
Хотя немало сыновей здесь пало,
Но отстояли честь родной земли.
И партия не позабыла сыновей,
И Родине они все так же близки.
Их золотом вписали имена
Поставленном на поле обелиске.
А мать ждала сынка полвека, не дождалась,
Почувяв, что кончина уж близка,
На слабеньких ногах пришла
Войной окрашенная в белый цвет,
Чтоб положить земной поклон у обелиска.

А сердце матери поранено войной

Иду я мимо леса по опушке,
И вижу: бугорок зарос травой.
Когда-то здесь стояли пушки,
И был рубеж: передовой.

Тогда была война,
И смерть стояла с каждым рядом:
И с тем, кто сеял хлеб,
И с тем, кто бил врага под Сталинградом.

Но кончилась война,
Кто жив остался - тот пришел домой.
Сравнились все траншеи на полях,
И дзоты заросли травой,
А материнские сердца остались все больными
Они поранены войной!

Моя земля

Моя земля, с любовью на тебя гляжу,
какой ты стала,
черна, ровна и урожаями щедра.
А помню я, когда соха тебя пахала,
и ты была корява, и суха и урожая не давала.

А пахарь твой всевышнего просил,
чтоб он тебя хотя немного покропил.
А ты в веках от бога милости ждала
и все корява, и суха была.

И вот пришел XX век,
17-й Октябрь пришел, и трон, как ветром, сдуло,
и во весь рост встал русский человек,
и пахарь твой в науку заглянул.

А Лениным был изданный декрет,
крестьянин стал хозяином земли,
рабочий стал хозяином завода,
не стало знатных и богатых—
все стало общее, все для народа.

Тебя топтал Юденича и Врангеля сапог,
Деникина, Махно и прочей твари,
но ты в руках крестьянина была,
крестьянин и рабочий отстаивали...

Смели с лица земли всю эту гниль,
в веках накопленную треном,
и жизнь пошла по новому пути,
по ленинским законам.

Крестьянин и рабочий смычкой стал,
рабочий на заводе плуг сковал,
а за копыта и тряпицы
купили трактор за границей.

А Ленин на партсъезде так сказал:
"Догнать и перегнать все страны капитала,
построить фабрики, заводы, города,
чтоб нищеты Россия больше не видала".

И Ленина призыв рабочий и крестьянин подхватил,
и в первой пятилетке ХТЗ построен был,
и первый наш колесный трактор
"форзончику" дорогу преградил.

А пахарь твой, науку одолев,
за руль на трактор сел,
и вот гляжу - моя земля
пластом к пласту чернее ворона ложится.

И нива стала золотой пшеницей колоситься,
и пахарь твой тебе все силы отдает,
чтоб ты еще богаче и прекраснее была,
и караваями твоими крестьянин мог гордиться.

Пожелание

Я хочу, чтобы солнце ходило выше,
чтобы голуби ворковали на крыше,
чтобы сады цвели, соловьи в них пели,
и спутники запускались для мирной цели.

Чтобы ночи белыми были
и девчата парней любили,
и хлеба стеной стояли,
и стада в лугах гуляли.

Чтобы молоко рекой лилось
и народам всем свободно жилось.
Чтоб детей карусели кружили
и народы все в мире жили,
чтобы песни пели дети
и не было войны на всей планете!

Летнее утро

Мне нравится летнее утро,
покрыта трава серебром,
гурьба загорелых мальчишек
на великах мчатся верхом.

Играют на речке гусята,
шумит за околицей рожь,
в пшенице поет перепелка,
от прелести той не уйдешь.

Петушок

Петушок, петушок,
красная борода,
у нашего петушка
важная походка.

Ходит важно наш петух,
шпорами гордится,
даже наш усатый
кот петушка боится.

Разговор ведет с наседкой:
ко-ко-ко да ко-ко-ко,
береги своих цыпляток
не води их далеко.

Ожидание

Под окном стоит рябина,
распускает белый цвет,
ждет-пождет подруга друга,
а его все нет и нет.

Превратив в часы минуты,
а часы в длиннющий год,
сердце бьет в груди тревогу:
почему ж он не идет?

Иль другая полюбилась,
иль красивей он нашел,
ой, скажи, скажи, рябина,
почему он не пришел?

Чу, шагов знакомых шорох,
сердце девичье дрожит,
паренек вихрастый,
бравый перед девицей стоит.

С виноватою улыбкой, виновато говорит:
"Извини, что задержался,
вовремя прийти не смог,
у дружка трактор поломался,
завести дружку помог".

И подружка в ту секунду
позабыла свой каприз,
дружка за руку схватила,
побежала к речке вниз.

Березка

Березка величавая моя,
Уж сколько лет ты под окном стоишь,
Весною сладким соком меня поишь,
А осенью своей листвою землю золотишь.
А в летний знойный день,
Под кроною твоею
Я, наморившись, отдохнуть сажусь,
И радуюсь твоею белизною
Гляжу я на тебя - не нагляжусь.

В саду

Я рвала в саду крыжовник,
ручки поцарапала,
чтобы маму не расстроить,
даже не заплакала.

Нарвала тарелку верхом
и на стол поставила,
папу с мамой угостила,
бабушке оставила.

Сторона родная

Сторона родная,
уголок мой милый,
как с тобой расстаться,
как тебя покинуть.

Каждая тропинка
с детства мне знакома,
лишь мне шумит березка
у дома родного.

Нет водицы слаще,
чем в нашем колодце,
как ее напьешься,
сильно сердце бьется.

Тихо и уютно
в нашей деревеньке,
только ее жители
стали все стареньки.

Неизлечимый недуг –
коварная старость,
плохо видишь, плохо слышишь,
и в ногах усталость.

Ехать к детям в город –
станешь им помехой,
что у сына, что у дочки
не будешь утехой.

Чужды городские
светлые хоромы,
а сил уж не хватает
жить в родимом доме.

Ожидание

Солнце с каждым днем все выше
стало по небу ходить,
приздумались мальчишки,
что нам делать, как нам быть?

Дом для гостя
строить надо,
он не гость, он наш жилец,
мы построим дом добротный,
прилетай скорей, скворец!

На березке дом подвесим,
сами сядем на забор,
будем слушать целый вечер
твой веселый разговор.

Поле чудес

Это поле чудес -
не то, которое на экране,
это - поле чудес, у которого
с 43-го не зажили военные раны,
это - поле чудес, где горела земля
и плавилась танки,
это - поле чудес, где лилась кровь
и по сей день находим останки.

Это - поле чудес, что зовем
белгородским краем,
где пшеница, как море,
шумит и железной руды навалом,
это - поле чудес, где стоит
город Белгород, наша гордыня,
в 43-ем в нем был дан первый
победный салют,
и мы им гордимся поныне.

И заверяю от всех белгородских сердец,
что это поле в веках будет
полем чудес.

Наш щенок

Наш Аршет - такая прелесть,
это - чудо, не щенок,
только варежки положишь –
он их в будку поволок.

Только хочешь есть печенье –
он на лапках тут как тут,
смотрит, а сказать не может:
"ты мне друг или не друг?-

Если друг - так угощай,
я же лакомства хочу".
Я печенье есть не стану,
я Аршета угощу.

Летний луг

Иду я равниной зеленого луга,
шумит он цветами, как зимняя вьюга,
хочу я рукою к цветку прикоснуться,
как-будто желает он мне улыбнуться.

Хочу я сорвать золотую ромашку
и вижу на ее лепесточках букашку,
букашка стремится, о чем-то хлопочет –
и сразу я вижу, что жить она хочет.

А рядом стоит голубой колокольчик,
цветет голубой одуванчик - бубончик,
кузнечик стрекочет в душистых цветах,
и шмель свою песню поет ему в такт.

Библиография

1. Живые ростки: сборник стихов губкинских поэтов. – Губкин, 1999. – 95 с.
2. Хорхордина М. Ф. А сердце матери поранено войной / М. Хорхордина. – Губкин, 1995. – 22 с.
3. Маяковский М. Памятник у дороги / М. Маяковский // Белгор. известия. – 2013. – 12 апр.
4. Смирнова О. Вдовий пуховый платок / О. Смирнова // ...От благодарных потомков. – Белгород, 2005. – С. 24–25.